

Экспресс-выпуск • Express-issue

1999 № 83

СОДЕРЖАНИЕ

- 3-8** Сравнительная характеристика некоторых популяционных параметров большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Центральном и Северо-Западном регионах России.
В.П.ИВАНЧЕВ, В.А.КОВАЛЁВ
- 8-9** Самое северо-восточное гнездо белого аиста *Ciconia ciconia* в Ленинградской области.
В.Г.ВЫСОЦКИЙ
- 9-10** Появление пухляка *Parus montanus* на гнездовании в “Лесу на Ворскле” (Белгородская область).
А.В.БАРДИН, Т.П.ДЬЯКОНОВА
- 11-15** Малый подорлик *Aquila pomarina* в Белоруссии.
В.В.ИВАНОВСКИЙ, И.В.БАШКИРОВ,
Д.И.ШАМОВИЧ
- 15-20** О взаимоотношениях кулика-сороки *Haematopus ostralegus* и врановых (*Corvus corax* и *C. cornix*) в гнездовой период. Л.В.СТЕПАНОВА
- 20-21** Гнездование серебристой чайки *Larus argentatus* в Байкало-Ленском заповеднике.
В.В.ПОПОВ, Н.В.СТЕПАНЦОВА
- 21-22** Новые сведения о птицах Байкало-Ленского заповедника. Н.М.ОЛОВЯННИКОВА
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Россия 199034 Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский университет
Кафедра зоологии позвоночных

Express-issue

1999 № 83

CONTENTS

- 3-8** Comparison studies of some population parameters of the great spotted woodpecker *Dendrocopos major* from the Central and North-Western Russia.
V.P.IVANCHEV, V.A.KOVALEV
- 8-9** The extreme north-eastern in Leningrad Region known nest of the white stork *Ciconia ciconia*.
V.G.VYSOTSKY
- 9-10** The willow tit *Parus montanus* has taken to breeding in a forest-steppe oak wood, the Forest on Vorskla River.
A.V.BARDIN, T.P.DIAKONOVA
- 11-15** The lesser spotted eagle *Aquila pomaria* in Byelorussia.
V.V.IVANOVSKY, I.V.BASHKIROV,
D.I.SHAMOVICH
- 15-20** On relationships between the oystercatcher *Haematopus ostralegus* and raven *Corvus corax* and crow *C. cornix* in breeding period. L.V.STEPANOVA
- 20-21** The nesting of the herring gull *Larus argentatus* in Baikal-Lena Reserve. V.V.POPOV,
N.V.STEPANTZOVA
- 21-22** A new data on the birds of the Baikal-Lena Reserve.
N.M.OLOVJANNIKOVA
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Сравнительная характеристика некоторых популяционных параметров большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Центральном и Северо-Западном регионах России

В.П.Иванчев¹⁾, В.А.Ковалёв²⁾

¹⁾ Окский государственный биосферный заповедник, .
п/о Лакаш, Спасский район, Рязанская область, 391072, Россия

²⁾ Нижнесвирский государственный заповедник,
Лодейное Поле, Ленинградская область, 187710, Россия

Поступила в редакцию 14 октября 1996

Представленные в работе данные по демографии большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* собраны в 1988-1994 в Окском (Рязанская обл.) и Нижнесвирском (Ленинградская обл.) заповедниках. В гнездовое время взрослых птиц отлавливали в дуплах в период выкармливания птенцов. Дупла, расположенные на высотах до 9 м, облавливали с помощью специально изготовленных сачков на длинных шестах. Дятлов, гнездящихся на большей высоте, в Окском заповеднике ловили при помощи модифицированной ловушки, разработанной для отлова больших пёстрых дятлов на "кузницах" (Приклонский 1962). В Нижнесвирском заповеднике птенцов старше 10-сут вынимали из высоко расположенных дупел, помещали в дуплянку, за 2-3 приёма опускали искусственное дупло до высоты 1.5-2.0 м, а затем отлавливали родителей с помощью паутинных сетей. Возраст пойманных птиц определяли по контрасту между вылинявшими и не вылинявшими участками крыловой птерилии (Miettinen et al. 1986; Иванчев 1991; Ковалёв 1993). Площадь контрольного участка, где проводили исследования в Окском заповеднике, составила 202 га. Помимо этого, на площади около 500 га в разные годы контролировали отдельные гнёзда дятлов. В Нижнесвирском заповеднике контролируемый участок занимал около 1800 га.

Результаты

Плотность гнездового населения

Данные по плотности гнездового населения большого пёстрого дятла в двух исследованных районах представлены в таблице 1. В Окском заповеднике, по сравнению с Нижнесвирским, этот параметр был выше в среднем в 6 раз. Тренды изменения рассматриваемого параметра, несмотря на существенную разницу в их абсолютных уровнях, оказались сходными ($r = 0.95$; $n = 5$; $P < 0.05$).

Возрастная структура гнездящихся больших пёстрых дятлов

В Окском заповеднике возрастное распределение гнездящихся дятлов характеризовалось ежегодным преобладанием птиц в возрасте 2 лет и старше (табл. 2). Значимой связи между плотностью гнездового населения и долей в нём старых самцов не обнаружено ($r = -0.65$; $n = 7$; $P = 0.1$). Среди самок особи в возрасте 2 лет и более составляли в среднем 62.9%.

Таблица 1. Плотность гнездования большого пёстрого дятла (пар/км²)

Годы	Рязанская обл.	Ленинградская обл.
1988	13.7	-
1989	9.6	-
1990	13.2	2.5
1991	7.8	1.0
1992	6.1	0.0
1993	10.4	2.2
1994	11.2	2.6
Среднее	10.3	1.7

Как и у самцов, у самок значимой связи между плотностью гнездового населения и долей в нём птиц в возрасте 2 лет и старше не обнаружено ($r = -0.13$).

В Нижнесвирском заповеднике в среднем за все годы наблюдений среди гнездящихся больших пёстрых дятлов также преобладали особи в возрасте 2 лет и старше. Однако в 1991 среди гнездящихся отмечены исключительно старые птицы (табл. 3). В то же время, в 1990 в гнездовом населении значительно увеличилась доля первогодков. Доля взрослых дятлов незначимо повышалась с понижением плотности гнездования (для самок: $r = -0.95$; $n = 4$; $P > 0.05$).

Возраст брачных партнёров удалось определить в 85 парах большого пёстрого дятла в Окском заповеднике (табл. 4) и в 58 парах в Нижнесвирском (табл. 5). В Окском заповеднике в целом за изученный период возрастное соотношение брачных партнёров значимо отличалось от случайного ($P < 0.01$). На межгодовые различия возрастного состава пар не оказывала влияния плотность гнездового населения. Так, в 1988, 1990 и 1994 плотность была приблизительно одинаковой, но в 1988 распределение партнёров в парах по возрасту оказалось не случайным ($P < 0.01$), тогда как в два другие сезона — случайным (в 1990 $P > 0.10$; в 1994 $P > 0.25$). Возможно, возрастное распределение партнёров в парах зависит от соотношения возрастных когорт в каждом конкретном году. Так, в 1988 соотношение старых самцов и самок было почти 1:1, а в 1990 и 1994 доля старых (2 года и более) самок отличалась от доли старых самцов, соответственно, на 22 и 16% (табл. 2).

Таблица 2. Возрастное распределение гнездящихся больших пёстрых дятлов в Окском заповеднике

Год	Число отловленных птиц			Доля (%) в гнездовом населении особей в возрасте 2 года и старше	
	Самцы	Самки	Всего	Самцы	Самки
1988	19	19	38	68.4	68.4
1989	7	9	16	57.1	88.9
1990	28	26	54	64.3	42.3
1991	11	12	23	100.0	75.0
1992	5	4	9	100.0	50.0
1993	6	7	13	100.0	71.4
1994	21	20	41	81.0	65.0
Σ	97	97	194	76.3	62.9

В Нижнесвирском заповеднике в целом за все годы наблюдений возрастное распределение партнёров в парах также значительно отличалось от случайного.

Таблица 3. Возрастное распределение гнездящихся больших пёстрых дятлов в Нижнесвирском заповеднике

Год	Число отловленных птиц			Доля (%) в гнездовом населении особей в возрасте 2 года и старше	
	Самцы	Самки	Всего	Самцы	Самки
1990	22	23	45	45.4	47.8
1991	5	5	10	100.0	100.0
1993	11	12	23	72.7	66.7
1994	21	21	42	66.7	61.9
Σ	59	61	120	71.2	69.1

Таблица 4. Распределение партнёров по возрасту в гнездящихся парах большого пёстрого дятла в Окском заповеднике

Год	Возрастные классы брачных партнёров				Всего пар	χ^2
	Самец ad Самка ad	Самец ad Самка sad	Самец sad Самка ad	Самец sad Самка sad		
1988	12	1	1	5	19	10.8
1990	9	9	2	6	26	1.5
1994	11	5	2	2	20	0.5
Всего*	46	20	5	14	85	11.6

* — включая также данные за 1989, 1991, 1992 и 1993.

Таблица 4. Распределение партнёров по возрасту в гнездящихся парах большого пёстрого дятла в Нижнесвирском заповеднике

Год	Возрастные классы брачных партнёров				Всего пар	χ^2
	Самец ad Самка ad	Самец ad Самка sad	Самец sad Самка ad	Самец sad Самка sad		
1990	9	1	1	10	21	13.5
1991	5	0	0	0	5	0.0
1993	7	1	0	3	11	7.1
1994	9	5	4	3	21	0.1
Всего	30	7	5	16	58	18.5

Сохраняемость брачных пар

В Окском заповеднике в 1988-1994 в 85 гнездовых дуплах отловлены оба брачных партнёра, в 25 — по одному. Число повторных поимок в последующие годы (до 4 отловов одной и той же особи) составило 66. Сохраняемость брачных пар удалось установить в 7 случаях. При этом те же самец и самка гнездились вместе в 4 случаях 2 года подряд, в 1 — 3 года подряд. По одному разу те же дятлы отловлены в составе одной пары через 1 и 3 года после первоначальной регистрации.

В Нижнесвирском заповеднике сохраняемость пар на протяжении двух последовательных гнездовых сезонов отмечалась дважды. В обеих точках, где велись наблюдения, не отмечено случаев, чтобы бывшие партнёры, будучи оба пойманными в тот же или последующие годы, оказались в составе разных пар. Если помеченная ранее птица гнездилась с другим партнёром, её прежний на исследуемой территории не отмечался.

Обсуждение

Рассмотренные выше две группировки больших пёстрых дятлов принадлежат к номинативному подвиду *Dendrocopos major major* L., 1758. Показатели плотности населения вида в гнездовой период на Северо-Западе России оказались ниже, чем в Центральной России. Вместе с тем, несмотря на достаточную удалённость точек исследования, отмечена определённая синхронность в изменениях численности и возрастной структуры гнездящихся больших пёстрых дятлов.

Основу гнездового населения большого пёстрого дятла как в Окском, так и Нижнесвирском заповедниках составляют птицы в возрасте 2 года и старше. Доля участвующих в размножении птиц в возрасте 1 года подвержена существенным межгодовым колебаниям. В неблагоприятные для вида годы (1991 и 1992) наблюдалось снижение доли гнездящихся первогодков. На Северо-Западе молодые дятлы при недостатке запаса семян сосны и ели могут участвовать в инвазионных перемещениях, удаляясь от места рождения на значительные расстояния. На следующий после инвазии год обычно наблюдается снижение численности гнездящихся больших пёстрых дятлов (Носков и др. 1981; Мальчевский, Пукинский 1983).

Сочетание возрастных классов партнёров в парах в обоих районах исследования значимо отличается от случайного. Прослеживается явная тенденция к образованию пар из птиц одного возрастного класса. Преимущественное формирование одновозрастных пар (при разделении на 2 возрастных класса: птицы в возрасте 1 год и птицы в возрасте 2 года и старше) отмечено для меевки *Rissa tridactyla* (Coulson 1966), сизой чайки *Larus canus* (Раттисте 1981), скворца *Sturnus vulgaris* (Нумеров 1988), зяблика *Fringilla coelebs* (Паевский 1985). Одной из причин стремления птиц образовывать пары с представителями своего возрастного класса у большого пёстрого дятла могут быть различия в сроках начала размножения старых и молодых птиц. Пары, состоящие из птиц в возрасте 2 года и старше, обычно приступают к гнездованию раньше пар, состоящих из птиц в возрасте 1 года (Иванчев 1994).

Часть больших пёстрых дятлов может не приступать к гнездованию в годовалом возрасте. В Ленинградской обл. холостыми остаются в отдельные годы до 10% птиц в возрасте 1 года, преимущественно самцы (Сироткин 1976). В урочище Гумбарицы (юго-восточное Приладожье) в мае-июне отлавливали годовалых дятлов без признаков участия в размножении (отсутствие наседного пятна). В отдельные особо неблагоприятные годы к размножению может не приступать и часть старых дятлов, что наблюдалось в Нижнесвирском заповеднике в 1992. Факт прохолостывания годовалых особей отмечен и у других видов дятлов. Так, в финских популяциях белоспинного дятла *Dendrocopos leucotos* большинство птиц гнездится начиная с 2-летнего возраста (Virkkala, устн. сообщ.). Имеются холостые особи в период размножения и среди воробьиных птиц, для которых характерно быстрое половое созревание (Смирнов, Носков 1975; Паевский 1985). Не принимающие участия в гнездовании годовалые большие пёстрые дятлы могут играть роль резерва, за счёт которого происходит быстрое увеличение численности гнездящихся птиц в благоприятные для вида годы. Это может быть наиболее значимо в северных частях ареала вида, где зачастую наблюдаются непредсказуемые погодные изменения и сильно флуктуирует урожайность сосны и ели.

Случаи сохранения пар у большого пёстрого дятла на протяжении двух и более лет подтверждают мнение В.А.Паевского (1985) о характерности в целом для птиц постоянства брачных пар. У неворобьиных птиц с их сравнительно невысокой ежегодной смертностью сохранения пар — более обычное явление, по сравнению с воробьиными.

Авторы выражают благодарность Ю.Р.Слетову, финансировавшему публикацию статьи.

Литература

- Иванчев В.П. 1991. Популяционная биология большого пестрого дятла // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Витебск, 2, 1: 239-240.
- Иванчев В.П. 1994. Биология гнездования большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Окском заповеднике // *Рус. орнитол. журн.* 3, 4: 303-318.
- Ковалев В.А. 1993. Определение возраста у большого пестрого дятла *Dendrocopos major* // *Рус. орнитол. журн.* 2, 3: 393-394.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 1: 1-480.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья.* Л.: 3-86.
- Нумеров А.Д. 1988. *Популяционная экология обыкновенного скворца, мухоловки-пеструшки и большой синицы.* Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-24.
- Паевский В.А. 1982. Размножение и демография зябликов Куршской косы по двадцатилетним данным // *Популяционная экология зяблика.* Л.: 165-190.
- Паевский В.А. 1985. *Демография птиц.* Л.: 1-285.
- Приклонский С.Г. 1962. Отлов больших пестрых дятлов на кузницах // *Тр. Окского заповедника* 4: 427-430.

- Раттисте К. 1981. О стратегии воспроизводства у сизой чайки // Тез. докл. 10-й Прибалт. орнитол. конф. Рига: 174-177.
- Сироткин А.В. 1976. О территориальных связях большого пестрого дятла // Материалы 9-й Прибалт. орнитол. конф. Вильнюс: 250-251.
- Смирнов О.П., Носков Г.А. 1975. Структура популяции большой синицы в Ленинградской области // Экология 6: 184-187.
- Coulson J.C. 1966. The influence of the pair-bond and age on the breeding biology of the kittiwake gull, *Rissa tridactyla* // J. Anim. Ecol. 35, 2: 269-279.
- Miettinen J., Pusa J., Nikander P. 1986. Voiko tikkojen iabmaarittaa // Lintumies 21, 4: 188-194.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 1999, Экспресс-выпуск 83: 8-9

Самое северо-восточное гнездо белого аиста *Ciconia ciconia* в Ленинградской области

В.Г.Высоцкий

Зоологический институт Российской Академии наук, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 29 сентября 1999

При проведении фаунистического обследования южного Приладожья мы нашли в 1992 в дер. Колосарь (59°57' с.ш., 31°40' в.д.) Кировского р-на Ленинградской обл. гнездо белого аиста *Ciconia ciconia*, построенное на водонапорной башне. С тех пор аисты в нём регулярно размножались. При посещении гнезда 19 июня 1999 в нём было 4 больших птенца.

Если исходить из опубликованных данных, то дер. Колосарь — самая северо-восточная точка гнездования белого аиста в Ленинградской обл. Гнездо в дер. Валовщина, описанное В.Г.Пчелинцевым (1996), находится несколько юго-западнее места нашей находки. Заметим, что цитируемый автор неверно указал административную принадлежность Валовщины: она относится к Кировскому, а не к Волховскому р-ну Ленинградской обл.

Перечислим населённые пункты южного Приладожья, в которых при специальном обследовании гнёзд белого аиста не обнаружено: Ручьи, Лаврово, Выстав, Сухое, Бор, Низово, Дусьево, Лужа, Кипуя, Кисельня, Юшково, Иссад, Ивановский Остров, Старая Ладога, Новая Ладога, Кринницы, Немятово, Черноушево, Лавния, Харчевня, Дубно, Сумское, Лигово, Кивгода.

Существование двух жилых гнёзд белого аиста в Кировском р-не Ленинградской обл., а также наши встречи отдельных пар аистов весной 1999 в этом же районе, на полях вдоль шоссе Петербург—Мурманск, позволяют говорить о существовании здесь достаточно устойчивой размножающейся группировки рассматриваемого вида. Необходимо отметить,

что гнездовье белого аиста в южном Приладожье находится гораздо северо-восточнее указанной в самой последней сводке (Snow, Perrins 1998) границы гнездовой части ареала вида, где она проведена по западной части Ленинградской области.

Литература

- Пчелинцев В.Г. 1996. Самая северная находка гнезда белого аиста *Ciconia ciconia* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-выпуск 3: 15.
Snow D.W., Perrins C.M. 1998. *The Birds of the Western Palearctic*. Concise Edition. Oxford Univ. Press. Oxford, New York, 1: 1-1008.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 1999, Экспресс-выпуск 83: 9-10

Появление пухляка *Parus montanus* на гнездовании в “Лесу на Ворскле” (Белгородская область)

А.В.Бардин, Т.П.Дьяконова

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 17 октября 1999

Пухляк *Parus montanus*, типичный обитатель бореальных лесов, местами проникает и в лесостепь. В частности, в интересующем нас географическом районе южная граница его ареала проходит через Киевскую, Полтавскую, Харьковскую и Воронежскую обл. (Воинственский 1954; Иванов 1976; Степанян 1978; Harper, Quinn 1996). В лесостепных дубравах Восточной Европы, согласно Г.А.Новикову (1959), пухляк встречается чаще болотной гаички *Parus palustris*, но, как и она, распространён там далеко не повсеместно. В принципе, присутствие пухляка в “Лесу на Ворскле” не вызывает удивления. Тем не менее, за длительную историю изучения орнитофауны дубравы он здесь отмечен не был (Новиков и др. 1963).

В 1999 мы приехали со студентами в “Лес на Ворскле” 8 июня. На следующий день один из нас, совершая прогулку по Новому дендрарию, среди посадок экзотических хвойных встретил выводок пухляка. Удалось видеть по крайней мере трёх хорошо летавших молодых в сопровождении обоих родителей. Слётки активно выпрашивали корм. Некоторые сомнения в том, что это были действительно пухляки, окончательно развеялись, когда через час один взрослый пухляк долго вертелся на конских каштанах и соснах прямо перед окнами преподавательского домика (через дорогу от места встречи выводка), издавая характерные крики “си-си-чж-чж-чж”, “гет” и свистовую песню “тиу-тиу-тиу-тиу”. Выводок продолжал держаться в дендрарии не более трёх дней, а затем, видимо,

распался, и молодые разлетелись. Пару же взрослых до начала июля продолжали встречать на елях на усадьбе заповедника.

М.С.Березанцева, приехавшая на неделю раньше нас, сообщила, что в 1999 она также неоднократно встречала пухляков вокруг усадьбы заповедника, хотя в 1994-1997 в “Лесу на Ворскле” их ни разу не видела.

17-19 июня мы неоднократно встречали пару пухляков (скорее всего, одних и тех же и, судя по линияющим хвостам — взрослых) в другом месте — около дер. Дубино. Птицы держались на приопушечных светлых участках относительно молодого леса: дубового (с примесью вяза, липы, ясеня, клёна), берёзового, соснового, в посадках тополя белого. При этом они часто на время присоединялись к кормящимся стайкам больших синиц *Parus major* и лазоревок *P. caeruleus*. Ещё одну пару пухляков видели по краю дубравы вдоль р. Локня недалеко от дер. Красный Куток.

21 июня голос пухляка слышали в посадках сосны на левом берегу Ворсклы в Борисовском лесхозе. 22 июня наблюдали пухляка в урочище Мелкий лес, в молодом дубовом лесу вдоль луга в пойме ручья.

21 июня встретили двух молодых пухляков, перелетавших по кустам ивы вдоль Ворсклы около дер. Стригуны. Они держались в стайке молодых больших синиц и лазоревок и часто перекликались друг с другом тихой свистовой песней, что характерно для мигрирующих особей.

В эти дни мы периодически ловили птиц паутинными сетями около ставка в 8-м квартале. 21 июня 1999 студентка Аня Рычкова поймала молодого пухляка (кольцо АХ 007078). Постювенильная линька у него ещё не началась, запасы подкожного жира оценены как “меньше много”.

Таким образом, мы встретили взрослых пухляков в 5 достаточно удалённых друг от друга местах, что позволяет утверждать, что это были разные птицы. Одну пару наблюдали с выводком. Кроме того, видели рассеяющихся молодых. Одна молодая птица поймана и достоверно определена. Всё это даёт основание говорить о том, что рассматриваемый вид заселил окрестности дубравы “Лес на Ворскле”. При этом пухляки совершенно отсутствовали в глубине заповедного леса. Они встречались лишь по опушкам, в молодых (30-50-летних) посадках дуба, сосны и берёзы, а также в посадках хвойных на усадьбе. Во всех случаях это были светлые насаждения, без хорошо выраженного второго яруса и подлеска.

Литература

- Воинственский М.А. 1954. Семейство Синицевые Paridae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 725-784.
- Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-276.
- Новиков Г.А. 1959. *Экология зверей и птиц лесостепных дубрав*. Л.: 1-352.
- Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробыинообразные Paseriformes*. М.: 1-392.
- Harrap S., Quinn D. 1996. *Tits, Nuthatches and Treecreepers*. London: 1-464.

Малый подорлик *Aquila pomarina* в Белоруссии

В.В.Ивановский, И.В.Башкиров, Д.И.Шамович

Западно-Белорусское товарищество охраны птиц, Белоруссия

Поступила в редакцию 20 сентября 1999

Белорусская популяция малого подорлика *Aquila pomarina* составляет, по последним данным, примерно 45% всей европейской популяции вида (Никифоров и др. 1997; Hagemeijer, Blair 1997). Наряду с чёрным аистом *Ciconia nigra*, малый подорлик является хорошим естественным индикатором состояния заболоченных мелколиственных и смешанных лесов, имеющих в Белоруссии широкое распространение. Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвящённых этому виду (Голодушко 1958, 1965; Ivanovsky, Tishechkin 1993; Ivanovsky 1996a,b, 1997).

Материал и методика

Материалом для сообщения послужили данные, полученные в ходе полевых исследований в 1992-1998 в Витебской обл. За этот период выявлено 72 гнездовых участка, на которых 70 раз найдены жилые гнёзда. Окольцовано 52 птенца и 4 взрослых подорлика. На гнёздах собрано 207 экз. добычи орлов. На стационаре в Шумилинском р-не определили абсолютную численность гнездящихся малых подорликов. Гнёзда посещали 1-3 раза за гнездовой сезон.

Результаты и обсуждение

В северной Белоруссии малые подорлики появляются на гнездовых участках в первой декаде апреля. Сразу после прилёта орлы приступают к ремонту старых или строительству новых гнёзд. В это же время происходят брачные игры.

Описанные нами станции гнездования ($n = 72$) в 56% случаев были представлены смешанными сырыми лесами, в 21% — сильно заболоченными чистыми черноольшаниками (*Alnus glutinosa*), в 14% — ельниками (*Picea abies*), в 5% — мелколиственными лесами по низинным лесным болотам (ольха, берёза *Betula pendula*, осина *Populus tremula*), в 4% — чистыми берёзовыми лесами.

Гнёзда ($n = 70$) были устроены на ели (49%), чёрной ольхе (26%), берёзе (18%), осине (3%), сосне (3%). Одно гнездо располагалось на ясене *Fraxinus excelsior*. По архитектонике гнёзда малого подорлика мало чем отличаются от гнёзд других хищных птиц средней величины — канюка *Buteo buteo*, тетеревятника *Accipiter gentilis*, осоеда *Pernis apivorus*, причём два раза подорлики занимали старые постройки канюка и по разу — тетеревятника и осоеда. В развилке главного ствола дерева располагались 43 гнёзда (63%), на боковых ветвях у ствола — 17 (25%), на боковых ветвях на расстоянии 1-2 м от ствола — 8 гнёзд (12%). Диаметр 34 промежуточных гнёзд варьировал от 45 см (свежестроенное гнездо) до 120 см

(многолетнее) и в среднем составил 91.4 ± 17.2 см. Толщина гнезда 30-100, в среднем 61.3 ± 17.6 см. Диаметр лотка 20-27, в среднем 25.6 ± 5.8 см. Глубина лотка 3-8, в среднем 5.6 ± 1.9 см. Лотки у подавляющего большинства гнёзд, где находились оперённые птенцы, были практически плоскими. Лотки гнёзд малого подорлика всегда выстланы зелёными веточками как лиственных, так и хвойных видов деревьев; чаще всего в гнёздах встречались веточки чёрной ольхи и берёзы. Гнёзда располагались на высоте 6-22, в среднем 14.3 ± 3.8 м от земли. На совершенно сухих деревьях мы нашли только три гнезда (4%).

Гнёзда малых подорликов располагались в лесу не далее 400 м от открытых пространств: полей, вырубок, лугов, сенокосов, болот, полян. В глубине леса мы не нашли ни одного гнезда. Очень охотно подорлики делают гнёзда по окраинам “островов” старого леса среди мелколиственных заболоченных лесов или по берегам заболоченных лесных речек и ручьёв. Не избегает этот орёл и близости населённых пунктов. Минимальные расстояния от них до гнёзд — 300, 800 и 1000 м. Главное условие — это труднодоступность места нахождения гнезда для человека.

На участках постоянного гнездования пары имеется от 1 до 5 гнёзд, чаще всего 2. Некоторые гнёзда подорлики занимали по 4-5 лет подряд.

Отладка яиц происходит в период с 21 апреля по 2 мая, в среднем начало кладки приходится на 27 апреля. В полных кладках 1-2, в среднем 1.7 ± 0.46 яйца ($n = 17$). Размеры яиц, мм: $55.0-68.6 \times 45.8-52.8$, в среднем $61.78 \pm 4.02 \times 49.76 \pm 2.24$; max 68.6×52.8 , min 55.0×45.8 (самое маленькое яйцо оказалось “болтуном”). Количество неоплодотворённых яиц (“болтунов”) составило около 15%, “задохликов” — около 8%. В случае потери кладки на ранних стадиях насиживания подорлики в благоприятные для размножения годы иногда приступают к повторной кладке, содержащей как правило 1 яйцо.

Продолжительность насиживания 40-43, в среднем 42 сут. Птенцы вылупляются в период с 3 по 14 июня, в среднем 8 июня. В гнёзде вылупляются 1-2, в среднем 1.21 ± 0.41 птенца ($n = 19$). Старший птенец постоянно третировал младшего, кусая его в спину и голову, в результате чего последний погибает на 3-4 сут жизни.

В гнезде птенцы находятся 48-55, в среднем 52 сут. Слётки начинают покидать гнёзда, выбираясь на ветви гнездового и соседних деревьев, в период с 25 июля по 7 августа, в среднем 2 августа. В период оставления гнёзд слётки наиболее уязвимы. Они ещё очень плохо летают, лишь перепархивают. По этой причине молодые подорлики много времени проводят на земле, где нередко становятся жертвами человека и крупных хищных зверей. Молодые птицы из повторных кладок покидают гнёзда значительно позднее. Так, ещё 19 августа 1995 в Шумилинском р-не в гнезде находился птенец с недоросшими маховыми и рулевыми. Известна и судьба этого молодого подорлика: его останки найдены осенью 1996 в 4 км от гнезда. По всей видимости, молодая птица погибла ещё в 1995. Во всех успешных выводках было только по 1 слётку ($n = 53$), а на каждую попытку размножения приходится по 0.88 ± 0.32 слётка ($n = 60$).

Успешность размножения, рассчитанная по 60 гнёздам с известной судьбой, составила 88.3%. Из 7 случаев неудачного размножения 2 гнезда брошены из-за беспокойства со стороны человека, 1 гнездо разорила куница *Martes martes*, в 1 гнезде кладка расклёвана птицей (сойкой *Garrulus glandarius?*), у 2 пар причины неудачного размножения установить не удалось, в 1 случае птенец выпал из гнезда и погиб.

Нам известен и случай успешного выкармливания родителями птенца на земле. В Бешенковичском р-не 11 июля 1995 мы обнаружили оперённого птенца (длина хвоста 245 мм, хвоста 85 мм) в 6 м от гнезда, расположенного на чёрной ольхе. Птенец сидел в построенном на земле "гнезде", выложенном зелёными веточками ольхи и берёзы. Судя по количеству экскрементов вокруг, он выпал из гнезда не менее недели назад и выкармливался на земле. Мы подняли его в настоящее гнездо на ольхе, и в дальнейшем молодой подорлик его успешно покинул.

Осенняя миграция малого подорлика в северной Белоруссии начинается в сентябре и продолжается до конца октября.

Основу питания малого подорлика в северной Белоруссии в 1992-1998 составляли амфибии *Amphibia* — 53.6% (см. таблицу). Млекопитающие *Mammalia* занимали в рационе также заметное место — 38.2%. Роль в питании птиц *Aves* (4.8%) и рептилий *Reptilia* (3.4%) была не столь значительна. По сравнению с 1981-1991 (Ivanovsky 1996), в питании малого подорлика почти не изменилась доля птиц и пресмыкающихся, но снизилась на 8.4% доля амфибий и возросла на 9.1% доля млекопитающих. На наш взгляд, эти изменения рациона можно объяснить тем, что на рассматриваемый период, 1992-1998, пришлось 2 года (1992 и 1996) высокой численности мышевидных грызунов, особенно обыкновенной полёвки *Microtus arvalis* (Ivanovsky 1998). Ведущую роль в питании малого подорлика сохранили травяная *Rana temporaria* и остромордая *R. terrestris* лягушки (см. таблицу).

За рассматриваемый период малый подорлик демонстрировал относительно стабильную численность гнездящейся части популяции. На Козьянском стационаре в Шумилинском р-не (120 км²) в 1992 гнездились 11 пар (9.2 пары/100 км²), а в 1998 — 12 пар (10.0 пары/100 км²). Большинство гнездовых территорий, расположенных вне стационара, также занимались птицами ежегодно. Дистанция между гнёздами соседних пар здесь составляет 700-1000 м. Минимальное расстояние между гнёздами соседних пар малого подорлика зарегистрировано в Витебском р-не — 300 м. Для других районов Белоруссии имеются следующие данные о плотности гнездования малого подорлика. В центральной Белоруссии, в окрестностях Минска, на стационаре площадью 105 км² в 1992 плотность составила 9, а в 1993 — 7 пар/100 км² (Воробьев, Миндлин 1994). На юге Белоруссии в 1956 плотность гнездования составила 3.6, а в 1958 — 5.4 пары/100 км² (Голодушко 1965). На польской части Беловежской Пуши в 1985-1991 плотность этого орла была стабильна и в 1991 составила 11 пар/100 км² (Pugaciewicz 1997). Мы не располагаем данными за тот период, свидетельствующими, что плотность гнездования малого подорлика существенно различалась в белорусской и польской частях Беловежской Пуши.

**Питание малого подорлика *Aquila pomarina*
в Витебской области Белоруссии в 1992-1998**

Таксон	Количество		Примечания
	абс.	%	
Amphibia			
<i>Bufo bufo</i>	1	0.5	
<i>Rana temporaria</i>	63	30.4	
<i>Rana terrestris</i>	28	13.5	
<i>Rana esculenta</i>	6	2.9	
<i>Rana</i> sp.	13	6.3	
Reptilia			
<i>Lacerta vivipara</i>	2	1.0	
<i>Anguis fragilis</i>	3	1.4	
<i>Vipera berus</i>	1	0.5	
Змея, ближе не определённая	1	0.5	
Aves			
<i>Anas platyrhynchos</i>	1	0.5	pull
<i>Larus ridibundus</i>	1	0.5	
<i>Vanellus vanellus</i>	1	0.5	juv
<i>Pica pica</i>	1	0.5	juv
<i>Anthus trivialis</i>	1	0.5	juv
<i>Anthus pratensis</i>	1	0.5	juv
<i>Alauda arvensis</i>	1	0.5	juv
<i>Turdus philomelos</i>	1	0.5	juv
Птица, ближе не определённая	2	1.0	
Mammalia			
<i>Erinaceus europaeus</i>	2	1.0	
<i>Talpa europaea</i>	9	4.3	
<i>Clethrionomys glareolus</i>	6	2.9	
<i>Microtus arvalis</i>	17	8.2	
<i>Microtus agrestis</i>	9	4.3	
<i>Arvicola terrestris</i>	3	1.4	
<i>Microtus</i> sp.	10	4.8	
Мелкие грызуны, ближе не определённые	23	11.1	
ВСЕГО	207	100.0	

Учитывая приведённые сведения, нами проведена корректировка оценки численности малого подорлика, представленная в последней сводке по птицам Белоруссии (Никифоров и др. 1997). По самым осторожным расчётам, современную численность рассматриваемого вида в Белоруссии можно оценить в 4000-7000 гнездящихся пар.

Авторы благодарят за помощь в проведении полевых работ Валерия Коваленка и Владимира Заблоцкого.

Литература

- Воробьев В.Н., Миндлин Г.А. 1994. Опыт оценки численности, видового разнообразия и успешности размножения хищных птиц // *Проблемы изучения, сохранения и использования биологического разнообразия животного мира: Тез. докл.* Минск: 281-283.
- Голодушко Б.З. 1958. Материалы по экологии малого подорлика Беловежской пуши // 1-я зоол. конф. Белорусской ССР: Тез. докл. Минск: 34-35.
- Голодушко Б.З. 1965. Хищные птицы и их роль в охотничьем хозяйстве Беловежской Пуши. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Минск: 1-22.
- Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К. 1997. Птицы Белоруссии на рубеже XXI века: Статус, численность, распространение. Минск: 1-188.
- Hagemeijer E.J.M., Blai M.J. (Eds.) 1977. *The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their Distribution and Abundance.* London: 1-903.
- Ivanovsky V.V., Tishechkin A.K. 1993. Monitoring of Lesser Spotted Eagle (*Aquila pomarina*) in Belarussia // *Ring* 1/2: 267-273.
- Ivanovsky V.V. 1996a. Vergleichende brutoekologische Angaben von Schelladler und Schreiadler *Aquila clanga*, *Aquila pomarina* in Weißrußland // *Ornithol. Mitt.* 3: 72-75.
- Ivanovsky V.V. 1996b. Notes on the breeding biology of Spotted Eagles *Aquila clanga* and *A. pomarina* in Byelorussia // *Eagle Studies.* Berlin; London; Paris: 297-299.
- Ivanovsky V.V. 1997. Havaintoja pikkukiljukotkan pesinnasta Valko-Venäjällä // *Linnut* 5: 46-47.
- Ivanowsky W.W. 1997. Brutdaten und Bruterfolg der Greivogel und Eulen in Weißrußland 1994-1997 // *Ornithol. Mitt.* 11: 333-335.
- Pugacewicz E. 1997. Ptaki łęgowe Puszczy Białowieskiej. Białowieża: 1-291.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 1999, Экспресс-выпуск 83: 15-20

О взаимоотношениях кулика-сороки *Haematopus ostralegus* и врановых (*Corvus corax* и *C. cornix*) в гнездовой период

Л.В.Степанова

Московский педагогический государственный университет,
ул. Кибальчича, д. 6, корп. 5, Москва, 129278, Россия

Поступила в редакцию 27 октября 1999

Наряду с серебристой чайкой *Larus argentatus*, хохотуньей *L. cachinians* и клушей *L. fuscus* ворон *Corvus corax* и серая ворона *C. cornix* являются одними из основных потребителей яиц и птенцов кулика-сороки *Haematopus ostralegus* (Williamson 1952; Cramp, Simmons 1983; Руденко, Кабаков 1988). Кулики активно изгоняют этих птиц со своих гнездовых

участков (Бианки 1967; Бианки, Бойко, Коханов, Татаринкова 1967; Cramp, Simmons 1983) или защищают кладку и птенцов, используя отвлекающие демонстрации: ложное насиживание, агрессивный полёт, имитацию раненой птицы, ложный сон (Williamson 1952; Cramp, Simmons 1983). Однако до сих пор практически не изучено поведение ворон и воронов при вторжении на гнездовую территорию куликов-сорок и его влияние на защитную реакцию последних.

Во время изучения территориального поведения куликов-сорок мы регистрировали их контакты с другими птицами, в том числе врановыми, и проанализировали как успешные, так и неудачные попытки разорения гнёзд. Мы регистрировали также разнообразную активность куликов при защите потомства. Статья посвящена вопросам: Как врановые разыскивают кладки куликов-сорок? Используют ли кулики специальные виды активности при взаимодействии с врановыми?

Материалы и методы

Защитное поведение насиживающих куликов-сорок изучали в течение 3 сезонов (26 июня–4 июля 1995, 24 июня–8 июля 1997 и 11–26 июня 1999) в 3 регионах России: на р. Большая Кокшага (Звениговский р-н Марийской Республики), о-в Мудьюгский (Архангельская обл.) и о-в Ряшков (Кандалакшский залив Белого моря). Для определения границ охраняемой территории и роли цвета в распознавании конспецифичных особей мы использовали картонные плоские и объёмные макеты куликов-сорок, окрашенные в разные цвета. Эти макеты мы выставляли на расстоянии 0.5–10 м от гнёзд и хронометрировали поведение птиц. На Кокшаге постоянные наблюдения провели за 1 насиживающей парой материкового подвида *H. o. longipes* Buturlin, 1910, на о-ве Мудьюгский — за 1 насиживающей и 3 парами с птенцами северного подвида *H. o. ostralegus* L., 1758, на о-ве Ряшков — за 5 насиживающими парами северного подвида. Также провели суточные наблюдения за гнёздами (5 сут), когда с помощью 12-кратного бинокля подробно фиксировали поведение насиживающих куликов. В течение 231 ч наблюдений мы зарегистрировали 65 залётов других птиц на гнездовые участки куликов-сорок, из них 6 залётов воронов, 11 — серых ворон, 6 — полярных крачек *Sterna paradisaea*, 32 — чаек (*Larus ridibundus*, *L. canus*, *L. argentatus*), 6 — чёрного коршуна *Milvus migrans*, 2 — хищной птицы, которую не удалось определить до рода. На о-ве Мудьюгский у гнезда кулика-сороки дважды замечали большого кроншнепа *Numenius arquata*.

Результаты

На р. Большая Кокшага группа из 4 воронов отмечена у гнезда кулика-сороки 6 раз (42.8% от всех межвидовых контактов, табл. 1), из них 4 раза они появлялись рядом с выставленным на отмели макетом с красным клювом и макетом с красной головой. Группа из 3 воронов сбита естественно окрашенный макет. Затем они дважды появлялись на участке во время опытов с этим плоским макетом, приближались к нему и внимательно разглядывали. Два ворона в течение 2 мин ходили вокруг плоского красноголового макета, время от времени подходя и тщательно рассматривая его. Интересно, что когда на отмели был выставлен макет, в окраске которого отсутствовал красный цвет, вороны не появились ни разу.

**Таблица 1. Количество залётов птиц других видов
на гнездовые участки куликов-сорок**

Район	M.m.	Ac	N.a.	La	S.p.	Cora	Corn	Σ
р. Большая Кокшага	6	-	-	2	-	6	-	14
о-в Мудьюгский	-	2	2	27	6	-	4	41
о-в Ряшков	-	-	-	3	-	-	7	10

Обозначения: M.m. — *Milvus migrans*, Ac — хищная птица, N.a. — *Numenius arquata*, La — *Larus ridibundus*, *L. canus*, *L. argentatus*, S.p. — *Sterna paradisaea*, Cora — *Corvus corax*, Corn — *Corvus cornix*.

Оба партнёра вместе налетали на вóронов или летали кругами, тревожно крича, а когда 3 вóрона появились на отмели в отсутствие одного из партнёров, другой кулик-сорока принял позу ложного насиживания в воде у берега и при приближении вóронов повернулся к ним спиной. 3 июля 1995 вóроны уничтожили кладку этой пары (4 яйца). Затем в целях эксперимента мы положили в гнездовую лунку изготовленные из алебаstra и натурально окрашенные муляжи яиц. Вóроны, посетив гнездовой участок куликов на следующий день, обнаружили искусственные яйца и попытались разбить их на месте, но когда им это не удалось, улетели, сжимая яйца в клювах.

На о-ве Мудьюгский реакция насиживающей пары куликов-сорок на пролетающих над гнездом серых ворóн включала издавание тревожных криков сидя в гнезде и ложное насиживание на литорали. Хотя ворóны здесь немногочисленны, мы отметили всего 4 их залёта на участок куликов-сорок (табл. 1), а доля реакции последних на ворóн составила 9.7%. На острове также обитали 2 взрослых вóрона и 1 молодой, однако каких-либо взаимодействий их с куликами-сороками не видели. Возможно, *S. corax* и *S. cornix*, населяющие остров, не отмечались у гнёзд куликов потому, что они не специализировались на питании яйцами морских птиц.

На о-ве Ряшков вторжение одиночных серых ворóн на участок куликов-сорок отмечали 4 раза, 2 раза группа из 3 ворóн пролетела над береговой линией и 1 раз зарегистрировали пролёт пары ворóн над гнездом кулика (70% от всех вторжений, табл. 1). На Ряшкове серые ворóны появлялись на литорали как во время экспозиции макета с размытой границей белого и черного “оперения” (1 раз), так и при демонстрации черноклювого макета (1 раз; и 1 раз ворóна пролетела над ним), в обоих случаях они приближались к макетам, но не подходили к ним близко.

Когда *S. corax* и *S. cornix* находились на гнездовом участке куликов-сорок или в непосредственной близости от него, они либо молча медленно полетали над береговой линией, либо пролетали, издавая характерные звуковые сигналы; затаивались в кронах деревьев над гнездовой территорией; приземлялись на берег рядом с кормящимися или отдыхающими куликами; ходили по отмели и интенсивно оглядывались; исследовали различные предметы (раковины моллюсков, выброшенные приливом водоросли и т.д.) на литорали.

Эта деятельность врановых вызывала ответные формы поведения куликов-сорок. Если ворон или ворона пролетали над гнездовой территорией куликов, то одна или обе птицы чаще всего принимали позу ложного насиживания там, где они в этот момент находились — на валунах среди воды, на мелководье или на песчаной или галечной отмели, литорали. Пролетающую каркающую ворону один кулик преследовал в воздухе, а другой в это время принимал позу ложного насиживания или сна. Если ворона садилась на берег или затаивалась в кроне, одна из птиц летала вокруг, тревожно крича, налетала на ворону, била её корпусом или клювом, бегала по берегу, издавая тревожные крики. Другая птица в это время сходила с гнезда, отбегала на 3-10 м и принимала позу ложного насиживания или ложного сна, пряча красный клюв под крыло (табл. 2). В целом, члены пары демонстрировали разные виды активности.

Несмотря на активную защиту гнезда, по крайней мере 2 из 3 исчезнувших за время наших наблюдений кладок были съедены воронами. Птенцы вылупились только в тех гнёздах, которые располагались непосредственно на территории кордона заповедника. То же самое наблюдалось в течение последних нескольких лет (Е.В.Марченкова, устн. сообщ.).

На залёты чаек и крачек кулики-сороки реагировали одинаково: в основном преследовали их в воздухе с тревожными криками или совершали полёты кругами. При залёте чаек на территории пар с выводками в воздух поднималось от 3 до 5 куликов-сорок. Если чайки отдыхали или поедали рыбу на берегу поблизости от гнёзд куликов, последние либо стояли на некотором отдалении в позе ложного сна, либо чистились, либо кормились на литорали и не подходили к гнезду, пока чайки не улетали. Во время 7 залётов чаек и крачек кулики-сороки не проявляли элементов защитного поведения (продолжали насиживать, контактировали с другими куликами-сороками, кормились, ходили по отмели). Прямое нападение на чайку или крачку мы не видели ни разу. Известно, что кулики-сороки не нападают на чайку даже тогда, когда они поедают их птенцов (Бойко, Коханов, Татаринкова 1970). А.Г.Руденко и А.Н.Кабаков (1988), проводившие исследования в Черноморском заповеднике, также не сообщают о случаях нападения куликов-сорок на чайку, указывая при этом, что в отдельные годы чайки разоряют около 40% гнёзд куликов-сорок.

Реакция на воронов заключалась обычно в преследовании их в воздухе. Мы не видели, чтобы их атаковали. Однако на Британских островах К.Уильямсон (Williamson 1952) трижды наблюдал, как пара куликов-сорок атаковала группу воронов, пытаясь ударить их клювом в брюхо и вынуждая приземлиться и удалиться с их территории. Отмечали также защитную реакцию гнездящихся куликов-сорок на грачей *Corvus frugilegus*, хотя прямых наблюдений разорения их гнёзд грачами нет (Руденко, Кабаков 1988).

Кулики-сороки использовали большое число элементов поведения при вторжении на гнездовой участок ворон по сравнению с реакцией на чайку и хищных птиц. Это связано с тем, что в отличие от чаек и хищных птиц, которые, в основном, лишь пролетали над гнездами куликов, вороны находились на побережье от 0.5 до 20 мин, пытаясь найти гнёзда и расклевывать яйца.

Таблица 2. Число разных элементов поведения куликов-сорок, зарегистрированных при защите гнезда от хищников

Вид реакции	Ворон	Ворона	Чайка	Крчка	Хищные птицы
Преследование в воздухе	4	-	10	3	4
Полёт кругами с криком	2	2	5	-	-
Налёт, клевки	-	24	-	-	-
Ложный сон	-	15	7	2	-
Ложное насиживание	1	14	-	-	-
Крик в гнезде	-	1	-	-	3
Смещённая активность*	-	11	3	-	-
Иное**	-	1	-	-	1
Нет реакции	-	1	15	2	1

Примечание: * – чистка оперения, кормление на отмели или литорали;

** – одноразовые поведенческие акты, отмеченные при реакции насиживающей птицы на низко летящих коршуна (вытягивание и втягивание шеи) и ворону (расправление крыльев).

Когда над гнездом куликов-сорок пролетал коршун, насиживающая птица либо преследовала его в воздухе, либо издавала тревожные крики, не покидая гнездо.

На о-ве Мудьюгский мы наблюдали, как кулик-сорока кормился рядом с большим кроншнепом в 6 м от своего гнезда, но на другой день при попытке кроншнепа приблизиться к гнезду один из партнёров стал настойчиво отгонять его.

Обсуждение

Появление воронов у гнезда кулика-сороки во время демонстрации на отмели красноголовых и красноклювых макетов куликов-сорок и отсутствие реакции на чёрно-белые макеты, возможно, свидетельствуют о том, что при поиске гнёзд куликов-сорок вороны ориентируются на находящихся на берегу взрослых птиц и узнают их именно по красному цвету клюва и ног. На Ряшкове каких-либо реакций серых ворон на макеты мы не наблюдали, и большинство вторжений на гнездовой участок произошло не во время опытов с макетами. Вороны часто следуют за человеком, разоряя обнаруженные им гнезда (Бианки, Бойко, Коханов, Татаринкова 1967). Вероятно, и в этом случае ворон привлекал не столько силуэт кулика-сороки, сколько фигура человека на побережье. Небольшой объём материала не позволил нам провести статистическую обработку результатов.

При залётах на гнездовые участки других птиц кулики-сороки использовали разные комплексы защитных реакций, в зависимости от вида птицы. Во время вторжения врановых они использовали элементы, не применяемые во время реакции на чаек, несмотря на то, что и врановые, и чайки расклёвывают их яйца и поедают птенцов. На тип реакции, ве-

роятно, влияет опыт прошлых взаимодействий с хищником в каждом конкретном районе, а также характер и длительность его пребывания на гнездовой территории куликов-сорок.

Автор выражает благодарность В.В.Бианки и другим сотрудникам Канда-лакшского заповедника за содействие при проведении исследования, С.И.Бурнашеву за изготовление муляжей яиц, студентам 2 курса МПГУ за помощь в полевой ра-боте, а также А.О.Шубину за ценные советы при подготовке рукописи к печати.

Литература

- Бианки В.В. 1967. Кулики, чайки, чистиковые Кандалакшского залива // *Тр. Кандалакшского заповедника* 6: 44-75.
- Бианки В.В., Бойко Н.С., Коханов В.Д., Татаринкова И.П. 1967. Об экологии серой вороны (*Corvus cornix* L.) на островах Белого моря // *Зоол. журн.* 46, 8: 1269-1270.
- Бойко Н.С., Коханов В.Д., Татаринкова И.П. 1970. О способах добывания кор-ма большой морской и серебристой чайками на Мурмане и в Кандалакш-ском заливе // *Тр. Кандалакшского заповедника* 8: 120-148.
- Руденко А.Г., Кабаков А.Н. 1988. Влияние хищничества серебристой чайки на гнездовую биологию кулика-сороки // *Кулики в СССР: распространение, био-логия и охрана*. М.: 148-149.
- Теплов И.П., Туров И.С. 1956. О значении серой вороны в пойменных охот-ничьих угодьях среднего течения реки Оки // *Зоол. журн.* 35, 5: 753-757.
- Cramp S, Simmons P.J. 1983. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa*. Vol. 3. Oxford.
- Williamson K. 1952. Regional variation in the distraction displays of the Oystercatcher // *Ibis* 94, 1: 102-135.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 1999, Экспресс-выпуск 83: 20-21

Гнездование серебристой чайки *Larus argentatus* в Байкало-Ленском заповеднике

В.В.Попов, Н.В.Степанцова

Байкало-Ленский заповедник, ул. Декабрьских Событий, 47, Иркутск, 664000, Россия

Поступила в редакцию 3 ноября 1999

Байкало-Ленский заповедник расположен на северо-западном побе-режье Байкала. Он включает в себя береговую линию длиной 110 км и верховья Лены и её притоков. До 1998 серебристая чайка *Larus argentatus* отмечалась в заповеднике как обычный летующий и пролётный вид по-бережья Байкала и редкий пролётный вид долины Лены. На побережье эти чайки обычно концентрируются стаями в несколько десятков особей

около мысов Покойный, Рытый, Заворотный, Большой и Малый Солонцовые, а также на соровых озёрах. Случаев гнездования не отмечали.

В конце июня 1998 на галечной косе в бухте Заворотная встретили пухового птенца серебристой чайки. Это был первый факт, указывающий на гнездование вида на северо-западном берегу Байкала. На следующий год, 6 июня 1999, здесь же нашли гнездо серебристой чайки с 1 яйцом. Впоследствии гнездо разорили собаки. Район бухты не входит в состав заповедника и лишь включён в охранную зону. Здесь находится небольшой посёлок горнодобывающего предприятия “Байкалкварцсамоцветы”. Второе гнездо серебристой чайки нашли 16 июня 1999 на мысе Малый Солонцовый за береговым валом вблизи берега оз. Байкал.

Мы связываем попытки гнездования серебристой чайки в заповеднике с общим увеличением численности вида на Байкале в основных местах размножения: Малом Море, дельте Селенги. В ближайшие годы следует ожидать увеличения гнездящихся серебристых чаек в Байкало-Ленском заповеднике и, возможно, появление новых точек их размножения.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 1999, Экспресс-выпуск 83: 21-22

Новые сведения о птицах Байкало-Ленского заповедника

Н.М. Оловянникова

Байкало-Ленский заповедник, ул. Декабрьских Событий, 47, Иркутск, 664026, Россия

Поступила в редакцию 3 ноября 1999

Наблюдения проведены в феврале-октябре 1998 на северо-западном побережье Байкала

Белая чайка *Pagophila eburnea*. Редкий залётный вид. Впервые на северо-восточном берегу Байкала, в Баргузинском заповеднике, белую чайку встретил А.А. Ананин 13 июля 1992. На северо-западном побережье Байкала мы наблюдали белую чайку в стае серебристых *Larus argentatus* возле метеостанции Солнечная (мыс Покойники) 30 мая 1998.

Клинтух *Columba oenas*. В последние годы этого голубя неоднократно встречали весной в заповеднике (Оловянникова 1998а). В 1998 две пары с конца апреля и весь май держались на старой гари неподалёку от метеостанции Солнечная. Видимо, одна пара загнездилась, т.к. 20 июня в этом месте мы встретили выводок из хорошо летающих молодых в сопровождении родителей. Это первая находка, указывающая на гнездование клинтуха на северо-западном побережье Байкала.

Крапивник *Troglodytes troglodytes*. В последние годы мы неоднократно встречали крапивников в заповеднике летом и на осеннем пролёте (Там же). В 1998 из видели и весной, 21 и 23 мая (2 особи) у мыса Покойники.

10 августа 1998 встретили выводок из 5 плохо летающих слётков. Это подтверждает наши предположения о возможности гнездования крапивника на Байкальском хребте.

Восточный воронok *Delichon dasypus*. Редок. В горных районах Восточной Сибири распространён мозаично. Известно несколько изолированных очагов обитания в Восточном Саяне и Хамар-Дабане. Гнездится и по горным речкам Баргузинского хребта. 9 августа 1998 мы нашли гнездовую колонию воронков на Байкальском хребте в верховьях Лены, в 3-4 км от перевала Солнцепадъ, на левом берегу. Гнёзда (более 20, из них 12-15 жилых) располагались на небольших выступах и карнизах под навесом скалы. Форма гнёзд была разнообразной и зависела от места расположения и субстрата, к которому они были прикреплены. Гнёзда были как закрытые, так и открытые. На момент обследования в гнёздах было по 3-4 оперённых птенца. При осмотре один из них издал тревожный крик, и тут же все слётки покинули гнёзда.

Сибирская завирушка *Prunella montanella*. Обычна, но немногочисленна на весеннем пролёте. На осеннем пролёте встречается реже. Весной появляется в начале апреля, чаще одиночными особями. Самая ранняя встреча — 23 марта 1997 (мыс Покойники). Наши наблюдения позволяют предположить гнездование сибирской завирушки в высокогорьях Байкальского хребта. Об этом свидетельствуют летние встречи: 2 июля 1991 пару завирушек видели по дороге к старому карьеру около мыса Средний Кедровый; 22 августа 1998 встретили выводок из 4 хорошо летающих молодых, которых ещё кормили родители, в районе Покойницкой пади.

Белопоясный стриж *Apus pacificus*. Обычный вид на побережье Байкала. В Байкало-Ленском заповеднике отмечен только в районе мыса Анхалой (отвесные скалы) — стая из 150-200 птиц, а также около мыса Саган-Морян — стая из 15-20 особей. Гнездятся стрижи не ежегодно в числе нескольких пар на отвесных скалах Саган-Моряна. В 1998 здесь нашли два гнезда с птенцами. В одном удалось отловить обоих взрослых стрижей. Один оказался с кольцом — окольцован нами в 1985 на о-ве Большой Тойник в зал. Малое Море (Оловянникова 1998б). Повторный отлов сделан через 13 лет в 150 км к северу от места кольцевания.

Литература

- Оловянникова Н.М. 1998а. Орнитологические находки на северо-западном побережье озера Байкал // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 34: 18-20.
Оловянникова Н.М. 1998б. К экологии белопоясного стрижа на островах Малого Моря (оз. Байкал) // *Тр. Байкало-Ленского заповедника* 1: 73.

